

ИСТОРИЯ

УДК 94(47)

КАК СКЛЕИТЬ ЗЕРКАЛО? ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ В КРИТИКЕ СЕРБСКИХ ИСТОРИКОВ (1980–2010-е гг.)

© 2019 г.

М.В. Белов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

belov_mihail@mail.ru

Поступила в редакцию 02.09.2019

С середины 1980-х гг. некоторые сербские историки выражали обеспокоенность содержанием школьных учебников, легитимирующих дезинтеграцию и грядущие конфликты. Вопреки прозвучавшим тогда предостережениям с распадом Югославии и военной эскалацией в начале 1990-х учебники истории оказались полем национальной мобилизации. Основные мотивы критики и альтернативные предложения повторялись затем и в начале XXI века, что свидетельствовало об отсутствии изменений. Интерес к проблеме в публичной сфере пробудился лишь в 2017 г. в связи с критикой учебника Р. Люшича. Слаженное выступление сторонников реформы в историческом образовании стало знакомым, несмотря на еще сильную инерцию.

Ключевые слова: историческая политика, учебники по истории, Сербия, страны бывшей Югославии.

Заключение ко второму, дополненному и переработанному изданию своей известной работы «Как рассказывают историю детям в разных странах» (2004) Марк Ферро назвал «Разбитое зеркало»: «Итак, зеркало разбито. Всемирной истории больше нет. Нет потому, что она и прежде была только миражом Европы, которая кроила ее на свой лад в зависимости от того, что происходило с ней самой. Другие народы интересовали ее лишь постольку, поскольку их пути пересекались с путями Европы» [1]. Это запоздалое прощание с европоцентризмом, скорее, относится к восьмидесятым, когда писалась первая версия книги. С тех пор на смену мировой дезинтеграции, управляемой межблоковым конфликтом, не отменяя, а где-то и обостряя различия, пришло ощущение новой близости, если не тесноты («мировой деревни»), все усиливающейся зависимости от глобализации, как бы ее ни понимать. Взамен всемирной или всеобщей истории пришла история глобальная (переплетенная, связанная, перекрестная), которую скрепляет не единство предписанного пути, но многообразие форм взаимоотношений, влияний, взаимодействий (см., например: [2]).

Казалось бы, вопреки этой тенденции зеркала продолжали биться. После распада коммунистических федераций в их странах-наследницах стали создаваться новые исторические нарративы, которые так часто были возвратом к роман-

тическим клише XIX века или же, в иных случаях, повторением столь же романтических антиколониальных сюжетов следующего столетия. Ситуация с историографическими трендами в странах бывшей Югославии была усугублена кровопролитными войнами, ознаменовавшими ее мучительный распад в 1990-е гг. Эти обстоятельства создавали особо выраженные конфронтационные модели в историописании и обыденном историческом сознании, а также в школьной истории тех стран, которые находились в состоянии вооруженного конфликта и переживали его последствия [3–5]. И это притом, что «переплетенность» долгой истории балканских народов столь велика.

Расхождения в республиканских и краевых учебниках беспокоили югославских экспертов уже в середине 1980-х. Именно тогда объединенной командой историков Загребского и Белградского университетов с привлечением группы из 22 студентов было проведено квантитативное исследование «Югославское и национальное в учебниках по истории для средней школы». Участвовавший в проекте Джордже Станкович совместно с коллегами пришел к выводу, что, за исключением Словении, в учебниках «... преобладает сильный фактор традиционной политической историографии с присутствием многочисленных местных и иностранных деятелей, в основном членов дина-

стей и чужеземных правителей» [6, s. 87]. Кроме того, подсчет имен в разных «национальных» учебниках продемонстрировал большие диспропорции даже на уровне общегославской политической истории. Умолчания и аполлетика некоторых имен, по мнению эксперта, приведет учащихся либо к социальной индифферентности, либо в лоно «базарной» истории, творящей националистическую мифологию. Станкович предлагал взамен деяний «великих исторических деятелей» и повествований о «чудовищах истории»¹ сделать акцент на критическом освещении социальных процессов в широком смысле слова (с учетом технологических и культурных новаций). Его беспокоило, что «общее югославское ядро» в учебниках по истории составляет всего лишь 2.6% в то время как «фактор расхождений» (личности, упомянутые лишь в одном учебнике) – 64.4%: «Действительно слабая основа для идентификации с Югославией как государством и общностью равноправных народов и народностей». Более десятка поколений, обучавшихся по таким учебникам (после конституции 1974 г.), становятся силой дезинтеграции, что уже ощущается в общественной жизни Югославии, констатирует эксперт в заключении [6, s. 96].

В другой статье из цитируемого сборника (впервые она была опубликована на словенском в 1985 г.) Станкович еще более откровенно свидетельствовал о различиях, выявленных в ходе исследования: «С одной стороны, национальная история вытесняется в самозабвение (учебник для Сербии, кроме автономий), с другой, постоянным подчеркиванием “иностранного фактора” и “порабощающего элемента” усиливается ощущение ущемленности и латентно поддерживается националистическая тенденция (учебники для Хорватии, Македонии и Косово)» [7, s. 102]. В этой пронизательной статье Станкович близко подошел к пониманию механизмов исторической политики и метаморфоз исторической памяти. Его отчаянный призыв сделать историческую науку инструментом самокритики общественного сознания, освободив ее от любого политического «употребления», окрашен пессимистическими тонами. А негативный сценарий, от которого он отталкивается, оказался пророческим. Хотя еще теплилась надежда, что с помощью теоретического плюрализма и методологических заимствований из разных общественных наук «... мы сможем в домене коллективного исторического сознания освободиться от проклятия малых народов постоянно и сызнова призывать тени прошлого в виде господствующей традиции, веры, фольклора, языка, этногенеза, “легендарных личностей”, исто-

рического права и таким образом эффективно утверждать “террор малых различий” на югославском пространстве (Предраг Матвеевич). По нашему мнению, это большая ловушка истории, постоянно репродуцирующая культурный нарциссизм, который не позволяет вывести на первый план универсальные послания прошлого» [7, s. 108]. Именно эта ловушка очень скоро затянет Югославию в клубок кровавых событий.

Десятилетием позднее, в условиях свершившейся трагедии националистического безумия и кровопролитной бойни, Дубравка Стоянович оценила перемены, которые произошли в сербских учебниках для основной и средней школы в первой половине 90-х. Сценарий «вечного возвращения», описанный Станковичем, как трудно догадаться, был в них реализован.

Стоянович отталкивалась от теоретических рассуждений и диагноза исторического сознания в поздней Югославии, представленного ее учителем Андреем Митровичем в книге [8], близкой по своим содержательным оценкам констатациям Станковича. Он, в свою очередь, называл Митровича в ряду историков, с которыми связывал надежды на обновление исторической науки и ее общественной функции. Вслед за Митровичем его ученица отмечала, что образы прошлого, «выработанные иррациональным духовным аппаратом», имеют преобладающее значение в недостаточно развитых обществах, где они властно вторгаются в сегодняшний день, «... предлагая неадекватные стереотипные решения с оглядкой на предшествующие, существенно иные исторические ситуации. Тем самым представления отделяются от общества, в котором они возникли, и включаются, как проявления [времени] большой длительности, в систему мышления, препятствуя переменам в своей [социальной] среде. Возникшее из неразвитости анахронное историческое сознание становится его самым надежным хранителем» [9, s. 87].

Специфику сербского национального самосознания Стоянович, вслед за Митровичем, связала с его принадлежностью к «гердеровскому» типу, в котором иррациональные элементы исторической мифологии имеют гораздо большее значение, нежели у наций, принадлежащих «гражданскому» типу (Англия, Франция). В результате этот первый тип так быстро утрачивает рациональные элементы в периоды националистической мобилизации и блокирует критическое обращение как с прошлым, так и настоящим, стирая границы между ними [8, s. 66; 9, s. 105–106].

Это вовсе не значит, что «история возвращается», но только то, что актуальная ситуация

оценивается по неадекватным критериям, заимствованным из непреодоленного прошлого. Стоянович констатировала неудачи пятидесятилетней попытки (коммунистов Югославии) трансформировать самосознание большинства и вообще модернизировать общество. «Поэтому сегодняшние внушения через учебники не следует анализировать лишь как поверхностную политическую инструментализацию исторического материала. Совпадая с существующими в коллективном сознании представлениями, они вписываются в систему [мышления]. Устойчивость этой системы подтверждена на практике, а ее приверженцы необозримы» [9, s. 117–118].

Стоянович выделила четыре критерия и пункта рассмотрения учебников: методология, идеология, стереотипные представления и отражение современных событий. В первом из них она, как и ранее Станкович со своими коллегами, использовала количественные показатели. Только на этот раз подсчету подверглись не упоминания имен, но тематическое распределение материала в объеме печатной площади (постранично). Подсчеты показали, что объем параграфов, посвященных собственно сербской истории, значительно вырос (до 73% в среднем) [9, s. 92], а «югославской» – уменьшился, а, кроме того, часть освободившегося места перешла сербам за пределами Сербии. Особенно пострадал материал, связанный с самым проблематичным соседом – Хорватией, отношения с которой сводились лишь к негативным эпизодам, что станет препятствием для поиска общего языка в будущем. Это цена, которую придется заплатить за «однократное употребление» истории в интересах текущей войны, которое превращает обучение в пропаганду [9, s. 104, 117–124].

Но более всего критика беспокоил безапелляционный тон большинства учебников, нагромождение фактического материала, отмеченное ранее Станковичем засилье политической истории (войн, восстаний, революций в ущерб мирным периодам) и соответствующих им «великих исторических личностей», ориентация на запоминание и воспроизведение вместо постановки вопросов и вдумчивого обсуждения проблем.

В идеологическом плане учебники начала 90-х являлись «соединением несоединимого», демонстрируя «коммунизм с националистическим лицом» [9, s. 96], поскольку остаточные топосы прежней эпохи («буржуазия» и «капитализм» с негативной коннотацией, а также противостоящее им «рабочее движение») сочетались в них с новым историческим героем – «сербским народом», понятым как монолитная коллективная личность, определяющая выбор пути из статичных интересов и предпочтений.

В качестве стереотипных инструментов обращения с прошлым, которые ученики могли почерпнуть из учебников, Стоянович называет: 1) идею об исторической правоте «своей» нации (и вечной неправоте и вине соседей), что является надежной почвой для «национального мистицизма» и позволяет бесконечно откладывать момент «коллективного национального взросления» [9, s. 106]²; 2) идея о нации-жертве, проиллюстрированная брутальными картинками насилия, эмоционально блокирующими исторический анализ и стимулирующими агрессию и реваншизм; 3) идеал самопожертвования, уходящий корнями в эпическую традицию и нивелирующий ценность индивидуального в пользу коллективного бытия (защиты, пользы или славы нации); 4) идея принадлежности лагерю победителей, фиксация на которой означает преобладание «судебного» отношения к прошлому, взятому избирательно, поскольку оно не преодолено.

Знакомый из марксистской догмы исторический детерминизм и классовый коллективизм в новых условиях идеологически трансформировались (последний – в этнический коллективизм), но сохранили модальность. «В сущности сохраняется глубоко авторитарное понимание мира, которое архаичнее всех прочих систем. Точнее, системы из него репродуцируются» [9, s. 124].

В работе, выполненной пятнадцатью годами позднее, Д. Стоянович выявила преемственность между способами обращения с прошлым в 90-х и после падения С. Милошевича в «демократических» нулевых [10]. Ей пришлось во многом повторить свою раннюю статью об учебниках и даже усилить некоторые ее ключевые положения.

В работе подчеркивается, что все народы, вовлеченные в конфликты 90-х, или, точнее, их элиты занимались перекраиванием истории в целях оправдания войны: «Наряду с физикой или химией, она получила задание произвести новую реальность на основе нового соединения ранее известных или неизвестных элементов. Вместо того, чтобы, как в теории [Эрика] Хобсбаума, день сегодняшний творил себе необходимое прошлое, использован противоположный путь – прошлое менялось, чтобы произвести современность» [10, s. 127]³. Это парадоксальное утверждение, с одной стороны – проясняет интеллектуально (и эмоционально) спекулятивную атмосферу распада Югославии и разрастания вооруженного насилия, а с другой – указывает на степень вовлеченности профессиональных историков и «параисториографии» в политические процессы.

В эпоху правления Милошевича был создан этноцентричный исторический нарратив,

наполненный преувеличенной оценкой своего места в мире («Балканы – пороховой погреб Европы» или «заколдованное место» [10, s. 145–146]) и связывающий день сегодняшний с днем вчерашним в фатуме неразрешимых «вековых» конфликтов. Он сочетался с архаическим мировосприятием квазипатриархального общества с его притязаниями на исключительную правоту в единстве общей судьбы и третинованием любого несогласия как национально-го предательства.

Идеологическое единство разношерстной оппозиции, пришедшей к власти после 2000 г., обеспечил антикоммунизм, который стал орудием дискредитации предшествующего режима в пользу истинных носителей национальной идеи и демократии⁴. Поэтому уже сложившийся учебный канон истории подвергся лишь минимальной коррекции. Разумеется, из него выветрились атавизмы старых объяснительных схем, а важнейшие изменения затронули период Второй мировой войны, где в качестве искомого «предка» новой элиты были фаворитизированы четники и их предводитель Д. Михайлович, противостоявшие коммунистическим партизанам И.Б. Тито. К тому же этот «партизанский» сюжет был «мифом творения» второй Югославии (ФНРЮ/СФРЮ), которая позиционировалась теперь как «темница сербского народа»⁵.

Но в целом система ценностей, транслируемая в СМИ и учебниках, «... осталась заключенной в националистической идеологической матрице, авторитарной, ксенофобской и, поскольку неудачи продолжились, все более аутичной» [10, s. 132]. История по-прежнему преподносилась как лишенная альтернатив предзаданная трагедия, черпающая величие в колоссальных утратах и героическом самопожертвовании. «Это создавало впечатление, что никто и не принимает определенных решений, а значит – не несет ответственности за их последствия» [10, s. 144]. Имплицировано тот же принцип переносился в текущую ситуацию, обесмысливая общественную дискуссию и демократическую конкуренцию.

Культ мученичества и геройской смерти проиллюстрирован в учебниках соответствующими фотографиями и репродукциями, как и выбором героев-мучеников в качестве «национальных святых», подбор которых в нулевых обогатился. Впрочем, при демонстрации памятников погибшим приоритет отдан именно коллективным жертвам. Такое понимание нации, требующей циклических жертв, «... близко патриархальной семье, неизменной и вневременной, в которой мертвые смешиваются с живыми, предки с потомками. В таком ключе пони-

мания жертва становится источником жизни» [10, s. 151].

Все это хорошая почва для конспирологии и конфронтации в будущем. Ключевая преемственность новой власти по отношению к режиму Милошевича в ее отношении к истории, по словам Стоянович, – это желание «... каким угодно путем нацепить на общество идеологическую рубашку с рукавами, завязанными за спиной» [10, s. 153]. Поэтому актуальными задачами остаются эмансипация истории от идеологии, плюралистический взгляд на прошлое во всех его измерениях и принципиальный отказ от преподавания истории как предвоенной подготовки или романтизированной дисциплины, насаждающей лояльность национальному целому. Критическое переосмысление истории как пространства противоречивых возможностей, напротив, поможет разобраться в корнях сегодняшних проблем и трудностей, «... прописать лекарство от современной болезни» [10, s. 156].

Осенью 2017 г. разразилась буря вокруг учебника Радоша Люшича по Новой истории, предназначенного для учащихся третьего класса гимназий общего и общественно-лингвистического профиля, который вошел в учебный процесс десятью годами ранее. Тогда его автор являлся директором некогда имевшего монополию на издание учебной литературы «Завода учебников» (2004–2008).

Поднявший волну критики Александр Р. Милетич [14]⁶ имел в виду новое издание учебника, вышедшее в основном Люшичем издательстве «Фреска» в 2013 г. В зачине статьи Милетич объяснил свое четырехлетнее молчание авторцензурой вследствие иерархического статуса автора учебника, видного политика, депутата скупщины и главы государственного издательства «Службени гласник» (2013–2014)⁷ и «удобствами» бесконфликтного существования. Но поскольку «демоны», поселившиеся в душе автора после ознакомления с учебником, так и не оставили его, он все же решился опубликовать свой критический отзыв⁸.

Милетич оценил замысел Люшича как конструирование национального «гранд-нарратива», который отличают этноцентризм, односторонность, несбалансированность и иррационализм, как это было продемонстрировано на более широком материале коллегами-политологами двумя годами ранее [16]⁹. Учебник Люшича был там одним из многих, использованных как материал для анализа, тем не менее Милетич считал его главной мишенью. Но «... и этот сборник [работ политологов] не поднял духа в нашей среде и не мобилизовал так называемых специалистов и научную общественность против этого учебника. А требовалось бы...»

Критик сосредоточил внимание прежде всего на «апологетической и псевдогероической интонации» Люшича, которая имеет своей оборотной стороной селективный и прямолинейный подход в изложении материала, а также отсутствие критического отношения к фактам. Это особенно проявляется в следующих тематических зонах: проблемы модернизации общества, дискриминации женщин и меньшинств, пренебрежение гуманитарным правом в действиях сербских (югославских) вооруженных сил, которые зачастую просто не упоминаются. Милетич пользуется, кроме прочих, научными исследованиями самого Люшича для доказательства того, что он о них хорошо осведомлен. Помимо этого, критик указывает на фаворитизацию православной церкви как «хранительницы сербского народа» и на конфликтное видение взаимоотношений с соседями (с особенной враждебностью к «потурченцам»-боснякам, хорватам-католикам и шиптарам-албанцам), что превращает историю Сербии в романтическую и конфронтационную историю этнических сербов, основанную на примордиалистской трактовке нации. Наконец, ключевым обвинением против учебника Люшича становится его явное несоответствие по идеологическим и политическим критериям актуальным стремлениям Сербии к интеграции в Евросоюз. А отсутствие общественных и профессиональных дебатов о «шовинистическом учебнике» Милетич связал со слабостью конкуренции и патернализмом в цеху историков.

На защиту Люшича выступил его соратник по прогрессивной партии и коллега-историк Чедомир Антич [17]¹⁰. Он укорил Милетича за то, что его обвинения против Люшича исходят из параметров политической целесообразности, в то время как знания о прошлом основываются исключительно на исторических источниках, которым автор учебника должен неукоснительно следовать. Другое возражение касалось двойных стандартов в осуждении терминов, которые использовал Люшич («шиптары» применительно к косовским албанцам), поскольку Милетича ничуть не коробят наименования со сниженной коннотацией в западных СМИ («сербиянцы»). Стратегия защиты была симметрична нападкам: если в учебнике умалчивается о насилии с сербской стороны, то почему надо умалчивать о насилии в отношении сербов или христиан со стороны турок или албанцев (татар и черкесов)? Взамен поставленного Милетичем вопроса об уместности языка вражды в школьных учебниках предлагался старый тезис о верной пропорции страданий.

Антич затронул и вопросы научной этики, согласно которой, по его мнению, начало поле-

мики было уместнее положить на страницах профессиональной печати, а уже затем довести свою позицию «в корректной форме» до широкой общественности. Он усомнился и в компетенции Милетича, который не является специалистом по периоду Нового времени, а больше занимался XX веком. Намеки на протекцию тогдашнего министра просвещения, состоявшего в одной с Люшичем Демократической партии Сербии, Антич отверг, поскольку самое первое издание учебника появилось еще в 2002 г., когда у власти находилось правительство З. Джинджича.

Текст Антича появился на сайте Прогрессистского клуба 24 сентября 2017 г., а уже через неделю 2 октября Милетич ответил ему на своем сайте [18]¹¹. Новая информационная среда явно задавала и темп, и форму полемики. Милетич приветствовал сам ответ на критику, однако оспорил его качество. Он вновь указал на неуместность характерологических обобщений в отношении тех или иных народов, поскольку они не могут быть извлечены из источников и являются устаревшими инструментами исторического анализа. В свою очередь, формирование национальной идентичности (тех же черногорцев, о которых ведется полемика) следует понимать как «флюидный» процесс, рассматривать его в перспективе, «... без горечи и чувства национальной обиды». То же самое касается перехода в ислам и формирования идентичности мусульманских групп на Балканах: «Недопустимо в формате учебника истории... представлять весь этнический коллектив как народ неопитов и национальных предателей, а само их предполагаемое предательство объяснять исключительно материальными побуждениями». Необходимость отказа от термина «шиптары» в школьных учебниках он подкрепил ссылкой на «Мнение уполномоченного по защите равноправия Б. Янкович от 24 июня 2015 г.», признавшей недопустимым его употребление в печати в связи с негативными коннотациями.

Политические сомнения в соответствии учебника артикулированному стремлению Сербии к евроинтеграции, по словам Милетича, спровоцированы самим Люшичем, который, завершая свой рассказ о XIX веке, зачем-то рассуждает о вреде глобализации и враждебности католической церкви православным Балканам. На личные выпады Антича Милетич ответил с язвительной вежливостью, а его иронию по поводу «вышедшей из моды и потерявшей рентабельность правоверности» парировал готовностью и далее противостоять всем формам дискриминации: «В конкретном случае у меня на памяти личная драма идентичности мальчиков или девочек, которые в школьном, учебном тек-

сте сталкивались с негативной характерологией собственного народа и собственных предков».

Дуэль продолжилась «выстрелом» Антича с недельной паузой 9 октября [19]. Для начала он обвинил Милетича в попытке уклониться от публичной дискуссии под сенью дружественного «Пешчаника» вместо того, чтобы отправить свой ответ в редакцию «Блица», где сначала появилась его критика на критику. Так или иначе, действительно, полемические удары противников наносились под прикрытием «партийных» бастионов, что при отсутствии общей площадки демонстрировало непримиримость двух лагерей.

Как верно заметил в своем ответном слове Милетич [20]¹², академическое содержание полемики истончилось до минимума, а личные выпады заметно усилились. И, в частности, Милетич был обвинен в сотрудничестве с шешелевскими «Земунскими новинами» в студенческие годы, когда Антич и его товарищи боролись за демократию вместе с З. Джинджичем.

Милетич, в свою очередь, старался вернуться к сути вопроса о связи учебника как транслятора этнической картины мира с практиками актуального добрососедства. Софистические построения Антича он остроумно расшифровал как защиту «права на оскорбление», санкционированное опытом вражды. В результате высветилась суть спора – о социальном предназначении исторического знания, особенно в его школьном преподавании. Спор шел о двух вариантах мемориальной культуры. Первый из них ориентирован на образец героической памяти, сконцентрированной на жертвах во имя нации или «чужом» насилии над ней. Другая (постгероическая) мемориальная культура ставит во главу угла опыт жертв, в том числе тех, которые пострадали от насилия «своей» нации [21].

Антич, по-видимому, хорошо понимал суть этого расхождения, но сомневался, что где-то во внешнем окружении обнаружится некий двойник Милетича, так же обеспокоенный сербскими жертвами со «своей» стороны. Он отстаивал право на защиту национальной чести в условиях преобладания у соседей героической мемориальной культуры. Более того, практики покаяния, по его мнению, могут стимулировать чужой шовинизм.

Напротив, Милетич видел в признании негативных эпизодов «своей» истории перспективу многомерного видения прошлого, ответственного социального поведения и взаимопонимания. В качестве прецедентных примеров обсуждались В.С. Караджич, рассказавший на закате жизни о позорных страницах в истории Первого сербского восстания 1804–1813 гг., а также социалист Д. Туцович, свидетельствующий о

насилии над албанцами накануне Первой мировой. Их мужественные поступки, с точки зрения Милетича, могут рассматриваться как парадигмальные.

В конце своего второго ответа Милетич усомнился в качестве «адвокатуры» Антича, пообещав более не вступать с ним в полемику. Сам Люшич ответил на критику своего бывшего студента в эфире телекомпании «Пинк» (Pink), и его интервью частично републиковал «Блиц» [22]¹³. Автор учебника, в частности, защищал правильность оценки потурченцев, принявших ислам, как более нетерпимых по отношению к христианам, чем сами турки; открестился от аналогии между завоеваниями Османской империи и нынешней перспективой евроинтеграции Сербии. Между тем Лига социал-демократов Воеводины инициировала запрос в Министерство просвещения, науки и технологического развития Сербии с целью немедленного изъятия учебника Люшича из учебного процесса. Отвечая на него, заместитель министра А. Пайич, ответственный за среднее образование, пообещал создать рабочую группу для анализа текста и подготовки решения. Впрочем, эта обычная бюрократическая реакция не имела никаких реальных последствий.

После первого обмена ударами между Античем и Милетичем в дискуссию вступили другие участники. 4 октября «Пешчаник» опубликовал статью Серджана Милошевича [23]¹⁴, директора того самого «Центра исторических исследований и диалога», на сайте которого появились обвинения Милетича. Он отметил, что критика учебников истории на страницах академической печати ведется уже давно (той же Д. Стоянович, например, хотя ее имя не упомянуто), но, как показывает практика, «... в нашей среде это не более чем камень, брошенный в воду», поэтому стоило пойти на риск «опубликования» проблемы с ее неизбежной «таблюдизацией» и деформацией смысла в высказываниях подпевал и крикунов. Эту опасность перекрывает общественная значимость проблемы, что подтверждает широкий отклик в прессе и «социальных сетях».

Дилемму Антича («просвещение или политика») Милошевич признал ложной, поскольку учебники и являются инструментом образовательной, в данном случае исторической, политики. Идеологически заданное изложение событий в школьных учебниках он предложил заменить комплексным, мультиперспективным видением сложных процессов и проблем, которое бы стимулировало у учащихся размышления и критические суждения. Такой подход находится в соответствии со «Стратегией образования в

Сербии до 2020 г.», утвержденной правительством страны пятью годами ранее в связи с процессом евроинтеграции. В свою очередь, «Закон об учебниках» 2013 г. воспрещает дискриминацию каких-либо групп или индивидов, тогда как Конституция Сербии декларирует приверженность «европейским ценностям». Утвержденный тогда же Образовательным советом при министерстве просвещения «Свод правил по учебному плану и программе для гимназий» со ссылками на принципы мультикультурализма и толерантности подразумевает, что «... национальная история является составной частью региональной, европейской и глобальной истории», ее преподавание должно развивать «... исследовательский дух и критическое отношение к прошлому», а также способность «... давать различные толкования одним и тем же событиям».

Иными словами, стратегия образовательной исторической политики закреплена целым рядом официальных документов, и они подразумевают отказ от этноцентричного нарратива. Напротив, учебник Люшича прямо осуждает мультикультурализм. Он не соответствует и всем прочим документально закрепленным требованиям. Разумеется, образовательный процесс подразумевает баланс между просветительскими и воспитательными задачами, но не в ущерб духу науки. Его невозможно достичь в рамках узкой политической или националистической доктрины, хотя, как и любой гражданин, ученый (или автор учебника) имеет право на убеждения. Вот только они не должны мешать стремлению к истине. В случае Люшича, по мнению Милошевича, авторские национально-политические убеждения явно деформируют видение прошлого, подчиняя его себе.

Реагируя на личные выпады против Милетича со стороны Антика и Люшича, сделавшего акцент на «антисербской соросовской школе», к которой якобы принадлежит его критик, Милошевич связал их с отсутствием культуры диалога. Это свойство эмоционально поляризованного мироощущения националистов, которое, как им кажется, должны разделять все члены нации. Но и сам Милошевич не удержался от обвинений своих оппонентов в лицемерии и пустой демагогии, используя «сильные» выражения. При этом он увидел в нынешней дискуссии (с ее поиском «оплаченных предателей») воспроизводство дурной традиции, восходящей к спору между основоположником критической историографии И. Руварцем и поздним романтиком П. Сречковичем в конце XIX века.

Наконец, 14 октября, вскоре после завершения заочной дискуссии между Милетичем и

Античем, на сайте организации был опубликован текст социального психолога Марии Бранкович, также сотрудницы «Центра исторических исследований и диалога» [24]¹⁵. Она выделила два фокуса критики учебника Люшича в выступлениях Милетича. В более узком смысле обсуждаются конкретные случаи тенденциозной селекции материала, в более широком – вопросы гражданского воспитания и образования, социализации и идентичности, формирования этнических представлений и политических позиций. Бранкович сконцентрировала внимание на втором аспекте.

Солидаризируясь с заключениями Милетича, она подкрепила их выводами социологов и психологов по результатам эмпирических исследований, проведенных в Израиле, Боснии и Герцеговине и других странах. Ученые констатировали, что «замороженные конфликты» порождают «осадный менталитет», но затем он воспроизводится в обществе, поддерживая «этос вражды». Разумеется, его формируют разные социальные агенты (семья, система образования, коллективы сверстников, авторитетные публичные фигуры, медиа и т. д.). Исторические представления задают образец отношения к актуальным сюжетам. И поскольку большинство молодежи сталкивается с серьезным обсуждением исторического материала лишь в школе, ее роль в противостоянии многочисленным спекуляциям на страхе и ненависти, чувстве неуверенности в себе, питающим конфликт, посредством рационального анализа ситуации, только возрастает. Учебники рассматриваются в этой связи как «институциональные носители коллективной памяти (репрезентаций прошлого)», что придает им значимость.

Большая часть статьи посвящена опровержению ложной угрозы «автошовинизма», то есть ненависти к «своей» этнической группе, которую якобы провоцирует признание ее ошибок и преступлений (на эту ошибку ранее указывала Д. Стоянович). Речь не идет о навязывании учащимся ложного чувства вины за деяния, которые они не совершали, но об отказе от «черно-белого» восприятия мира в пользу более сложного, многомерного и рационального отношения как к прошлому, так и к настоящему.

Подобно иным гипердинамичным метеоявлениям «буря» вокруг учебника Люшича закончилась так же внезапно, как и началась. В следующем году, когда обсуждался новый «Закон об учебниках», споры велись в основном о выгодах крупных издательств и об их возможностях навязывать образовательным учреждениям свои продукты. И все же важные вопросы реформы исторического образования остались в повестке дня.

Обзор критических высказываний сербских экспертов о содержании школьных учебников начиная с середины 1980-х гг. демонстрирует преобладание в постановке диагноза и предлагаемой альтернативе. Обеспокоенность исследователей, принадлежащих к реформаторскому крылу сербской исторической науки, вызвала приверженность учебников национальному нарративу с его акцентом на политические события, их героев и культивирование жертв. Иным способом репрезентации прошлого представляется перенос внимания на процессы и проблемы, обсуждаемые в режиме диалога. Схожесть заключений экспертов свидетельствует об отсутствии существенного прогресса в этом направлении, при том что в 1990-е гг. маятник качнулся в противоположную сторону.

Можно отметить и некоторые различия в подходах экспертов. Д. Станкович незадолго до распада Югославии высказывал осторожную надежду на методологическое и методическое решение. Д. Стоянович в 1990-е и 2000-е печально констатировала по учебным текстам состояние сербского общества, без изменений внутри которого невозможно изменение его отношения к прошлому и наоборот. Критики учебника Люшича в 2017 г. ссылались на положения официальных документов в контексте политически выраженного стремления Сербии к интеграции в Евросоюз. Социальная подоплека доминирующего отношения к прошлому отошла у них на второй план.

Скандалность последней дискуссии вызвана ограничением критики одним учебником одного автора, что создавало впечатление лично мотивированной атаки. Ценой широкого публичного резонанса стало частичное выпадение из поля зрения аудитории наиболее принципиальных вопросов. Такой формат разговора обнажил институциональное и материальное подполье «академического поля» (по П. Бурдьё), что подрывало доверие к высказываниям с обеих сторон.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

Примечания

1. При этом учебники охотнее упоминали о коллаборационистах и военных преступниках «чужих» народов, нежели собственных. Напротив, большинство местных деятелей, упомянутых в сербском учебнике, имели негативную коннотацию.

2. Несколько раз при этом подчеркнуто: «Противоположностью идеи безгрешности нации не является, как поверхностно и ошибочно можно предположить, идея виновности нации. Речь идет только о готовности встретиться с самими собой» [9, s. 111].

3. Автор ссылается также на компаративное исследование, в котором принимала участие: [11].

4. «С другой стороны, тем самым скрывалась националистическая сущность режима Милошевича, да и тот факт, что националистический проект в войнах 90-х потерпел поражение» [10, s. 131].

5. См. также другие статьи автора на схожие темы: [12–13].

6. А.Р. Милетич, сотрудник белградского Института Новой истории, опубликовал текст на портале неправительственной организации «Центр исторических исследований и диалога», исполнительным директором которого он тогда являлся. Текст Милетича полностью или частично был перепечатан во многих сербских и иностранных изданиях. См., например: <https://pescanik.net/vidovdanska-etika-poturcenjaci-i-miloslunice/>.

7. Остро критический обзор политической и административной карьеры Люшича см.: [15].

8. Кажется, лукавство автора проявляется, когда он сообщает о знакомстве с более ранним изданием учебника в 2007 г.

9. Второй раздел этого сборника работ целиком посвящен выявлению на основе количественного и качественного дискурс-анализа стереотипного инвентаря в сербских и албанских учебниках по истории, в числе которых два учебника под авторством Люшича.

10. Первоначально этот текст был опубликован в еженедельнике «Blic». Хорватский портал «Historiografija» собрал ссылки на материалы дискуссии на странице: <http://www.historiografija.hr/?p=6109>.

11. Через день он был размещен и на портале «Peščanik»: <https://pescanik.net/odgovor-cedomiru-anticu/>.

12. На портале «Peščanik» текст появился через два дня: <https://pescanik.net/drugi-odgovor-cedomiru-anticu-o-pravu-na-uvrede/>.

13. Позднее Люшич дал развернутый ответ на «необоснованные обвинения соросовского наймита», и его в сокращении опубликовало издание «Просветни преглед» 5 октября 2017 г. Благодарю Р.Й. Попович за содействие в ознакомлении с этим текстом.

14. Текст дебютировал на портале «Peščanik». Затем он появился и на сайте организации: Internet bilten Centra za istorijske studije i dijalog (CISiD). 8.10.2017. Режим доступа: <http://www.internetbilten.com/polemike/item/50-o-nastavi-istorije-politici-evrops-koj-uniji-i-poganom-jeziku.html>.

15. На портале «Peščanik» текст появился 18 октября: <https://pescanik.net/etos-konflikta-vs-autosovini-zam-lazna-dilema/>

Список литературы

1. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах / [Пер. с фр. Е.И. Лебедевой]. М., 2010. С. 410.

2. Конрад С. Что такое глобальная история. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

3. (Re)Writing History: Historiography in Southeast Europe after Socialism (Studies on South East Europe. V. 4) / Ed. by U. Brunnbauer. Munster: LIT Verlag, 2004.

4. Едемский А.Б. Конфликт исторической памяти на периферии Евросоюза: хорватский праздник VS сербский траур // Между Брюсселем и Москвой. М., 2016. С. 299–324.
5. Jugoslavija u istorijskoj perspektivi. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2017.
6. Stanković Đ. Neadekvatno personalizovana istorija // Idem. Iskušenja jugoslovenske historiografije. Beograd: Rad, 1988. S. 83–96.
7. Stanković Đ. Raskršća jugoslovenske historiografije // Idem. Iskušenja jugoslovenske historiografije. Beograd: Rad, 1988. S. 97–116.
8. Mitrović A. Raspravljajnja sa Klio: O istoriji, istorijskoj svesti i historiografiji. Sarajevo: Svjetlost, 1991.
9. Stojanović D. Udžbenici istorije kao ogledalo vremena [1994] // Idem. Ulje na vode. Ogledi iz istorije sadašnosti Srbije. Beograd, 2010. S. 87–124.
10. Stojanović D. Tumačenja istorije, sistem vrednosti i kulturni obrazac [2009] // Idem. Ulje na vode. Ogledi iz istorije sadašnosti Srbije. Beograd: Pešćanik, 2010. S. 125–157.
11. Clio in the Balkan. The Politics of History Education / Ed. by C. Koulouri. Thessaloniki: CDRSEE, 2002.
12. Stojanović D. Revizija revizije. «1941» u udžbenicima istorije u Srbiji // Kultura sjećanja: 1941. Povijesni lomovi i svladavanje prošlosti / Ur. S. Bosto, T. Cipek, O. Milosavljević. Zagreb: Disput, 2008. S. 157–167.
13. Stojanović D. Školska istorija // Kultura sjećanja: 1991. Povijesni lomovi i svladavanje prošlosti [Электронный ресурс] / Ur. T. Cipek. Zagreb: Disput, 2011. Режим доступа: <https://pescanik.net/skolska-istorija/>. (дата обращения: 30.08.2019).
14. Miletić A.R. Vidovdanska etika, poturčenjaci i milosnice. Veliki narativ Srbije u udžbeniku istorije Radoša Ljušića [Электронный ресурс] // Internet bilten Centra za istorijske studije i dijalog (CISiD). 19.09.2017. Режим доступа: <http://www.internetbilten.com/istrazivanja/item/48-vidovdanska-etika-poturčenjaci-i-milosnice-veliki-narativ-srbije-u-udžbeniku-istorije-radosa-ljusica.html>. (дата обращения: 30.08.2019).
15. Perović M. Duga senka nacionalizma: debata o udžbenicima koja to nije [Электронный ресурс] // Bilten. Regionalni portal. 02.07.2017. Режим доступа: <https://www.bilten.org/?p=20351>. (дата обращения: 30.08.2019).
16. Etnički stereotipi i nacionalni mitovi kao prepreke pomirenju u srpsko-albanskim odnosima / Ur. G. Tepšić, R. Nakarada, M. Vasović. Beograd: Univerzitet u Beogradu, 2015. S. 99–209.
17. Antić Č. Odgovor Miletiću: Prosveta ili politika? [Электронный ресурс] // Напредни клуб. 24.09.2017. Режим доступа: <http://www.napredniklub.org/anticev-odgovor-mileticu/>. (дата обращения: 30.08.2019).
18. Miletić A.R. Odgovor Čedomiru Antiću: Neki stvari nikad ne izlaze iz mode [Электронный ресурс] // Internet bilten Centra za istorijske studije i dijalog (CISiD). 2.10.2017. Режим доступа: <http://www.internetbilten.com/polemike/item/49-mileticev-odgovor-anticu-neke-stvari-nikad-ne-izlaze-iz-mode.html>. (дата обращения: 30.08.2019).
19. Антић Ч. Други одговор др Александру Р. Милетићу [Электронный ресурс] // Напредни клуб. 9.10.2017. Режим доступа: <http://www.napredniklub.org/cedomir-antic-drugi-odgovor-dr-aleksandru-r-mileticu/>. (дата обращения: 30.08.2019).
20. Miletić A.R. Drugi odgovor Čedomiru Antiću: O pravu na uvredu [Электронный ресурс] // Internet bilten Centra za istorijske studije i dijalog (CISiD). 12.10.2017. Режим доступа: <http://www.internetbilten.com/polemike/item/51-drugi-odgovor-cedomiru-anticu-o-pravu-na-uvrede.html>. (дата обращения: 30.08.2019).
21. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 74–88.
22. Ljušić R. Moj udžbenik je napisan po svetskim standartima [Электронный ресурс] // Blic. 25.09.2017. Режим доступа: <https://www.blic.rs/vesti/drustvo/ljusic-moj-udžbenik-je-napisan-po-svetskim-standardima/9hz4cwc>. (дата обращения: 30.08.2019).
23. Милошевић С. О настви историје, политичи, Европској унији и роганом језику. 4.10.2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pescanik.net/o-nastavi-istorije-politici-evropskoj-uniji-i-poganom-jeziku/>. (дата обращения: 30.08.2019).
24. Branković M. Etos konflikta vs. autošovinizam – lažna dilema? [Электронный ресурс] // Internet bilten Centra za istorijske studije i dijalog (CISiD). 14.10.2017. Режим доступа: <http://www.internetbilten.com/polemike/item/52-etos-konflikta-vs-autosovinizam-lazna-dilema.html>. (дата обращения: 30.08.2019).

**HOW TO PUT A BROKEN MIRROR BACK TOGETHER?
SCHOOL TEXTBOOKS CRITICIZED BY SERBIAN HISTORIANS
(1980s–2010s)**

M.V. Belov

Since the mid-1980s, some Serbian historians have been worried about the content of school textbooks that legitimized disintegration and impending conflicts. During the breakup of Yugoslavia and military escalation in the early 1990s, history textbooks turned out to be a field of national mobilization. Then the main motives of criticism and alternative proposals were repeated at the beginning of the 21st century, and this indicated the absence of changes. Public interest in the problem was aroused only in 2017 by the criticism of the textbook written by Radoš Ljušić. Despite strong inertia, the coordinated efforts of reform supporters in historical education has become a landmark.

Keywords: politics of history, history textbooks, Serbia, countries of the former Yugoslavia.

References

1. Ferro M. Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznyh stranah / [Per. s fr. E.I. Lebedevoy]. M., 2010. S. 410.
2. Konrad S. Chto takoe global'naya istoriya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.
3. (Re)Writing History: Historiography in Southeast Europe after Socialism (Studies on South East Europe. V. 4) / Ed. by U. Brunnbauer. Munster: LIT Verlag, 2004.
4. Edemskij A.B. Konflikt istoricheskoy pamyati na periferii Evrosoyuzha: horvatskij prazdnik VS serbskij traur // Mezhdru Bryusselem i Moskvoy. M., 2016. S. 299–324.
5. Jugoslavija u istorijskoj perspektivi. Beograd: Hel-sinski odbor za ljudska prava u Srbiji, 2017.
6. Stanković Đ. Neadekvatno personalizovana istorija // Idem. Iskušnja jugoslovenske istoriografije. Beograd: Rad, 1988. S. 83–96.
7. Stanković Đ. Raskršća jugoslovenske istoriografije // Idem. Iskušnja jugoslovenske istoriografije. Beograd: Rad, 1988. S. 97–116.
8. Mitrović A. Raspravljnja sa Klio: O istoriji, istorijskoj svesti i istoriografiji. Sarajevo: Svjetlost, 1991.
9. Stojanović D. Udžbenici istorije kao ogledalo vremena [1994] // Idem. Ulje na vode. Ogledi iz istorije sadašnosti Sebije. Beograd, 2010. S. 87–124.
10. Stojanović D. Tumačenja istorije, sistem vrednosti i kulturni obrazac [2009] // Idem. Ulje na vode. Ogledi iz istorije sadašnosti Sebije. Beograd: Peščanik, 2010. S. 125–157.
11. Clio in the Balkan. The Politics of History Education / Ed. by C. Koulouri. Thessaloniki: CDRSEE, 2002.
12. Stojanović D. Revizija revizije. «1941» u udžbenicima istorije u Srbiji // Kultura sjećanja: 1941. Povijesni lomovi i svladavanje prošlosti / Ur. S. Bosto, T. Cipek, O. Milosavljević. Zagreb: Disput, 2008. S. 157–167.
13. Stojanović D. Školska istorija // Kultura sjećanja: 1991. Povijesni lomovi i svladavanje prošlosti [Elektronnyj resurs] / Ur. T. Cipek. Zagreb: Disput, 2011. Režim dostupa: <https://pescanik.net/skolska-istorija/>. (data obrashcheniya: 30.08.2019).
14. Miletić A.R. Vidovdanska etika, poturčenjaci i milosnice. Veliki narativ Srbije u udžbeniku istorije Radoša Ljušića [Elektronnyj resurs] // Internet bilten Centra za istorijske studije i dijalog (CISiD). 19.09.2017. Režim dostupa: <http://www.internetbilten.com/istrazivanja/item/48-vidovdanska-etika-poturcenjaci-i-milosnice-veliki-narativ-srbije-u-udzbeniku-istorije-radosa-ljusica.html>. (data obrashcheniya: 30.08.2019).
15. Perović M. Duga senka nacionalizma: debata o udžbenicima koja to nije [Elektronnyj resurs] // Bilten. Regionalni portal. 02.07.2017. Režim dostupa: <https://www.bilten.org/?p=20351>. (data obrashcheniya: 30.08.2019).
16. Etnički stereotipi i nacionalni mitovi kao prepreke pomirenju u srpsko-albanskim odnosima / Ur. G. Tepšić, R. Nakarada, M. Vasović. Beograd: Univerzitet u Beogradu, 2015. S. 99–209.
17. Antić Č. Odgovor Miletiću: Prosveta ili politika? [Elektronnyj resurs] // Napredni klub. 24.09.2017. Režim dostupa: <http://www.napredniklub.org/anticev-odgovor-mileticu/>. (data obrashcheniya: 30.08.2019).
18. Miletić A.R. Odgovor Čedomiru Antiću: Neki stvari nikad ne izlaze iz mode [Elektronnyj resurs] // Internet bilten Centra za istorijske studije i dijalog (CISiD). 2.10.2017. Režim dostupa: <http://www.internetbilten.com/polemike/item/49-mileticev-odgovor-anticu-neke-stvari-nikad-ne-izlaze-iz-mode.html>. (data obrashcheniya: 30.08.2019).
19. Antić Č. Drugi odgovor dr Aleksandru R. Miletiću [Elektronnyj resurs] // Napredni klub. 9.10.2017. Režim dostupa: <http://www.napredniklub.org/cedomir-antic-drugi-odgovor-dr-aleksandru-r-mileticu/>. (data obrashcheniya: 30.08.2019).
20. Miletić A.R. Drugi odgovor Čedomiru Antiću: O pravu na uvredu [Elektronnyj resurs] // Internet bilten Centra za istorijske studije i dijalog (CISiD). 12.10.2017. Režim dostupa: <http://www.internetbilten.com/polemike/item/51-drugi-odgovor-cedomiru-anticu-o-pravu-na-uvrede.html>. (data obrashcheniya: 30.08.2019).
21. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. M., 2014. S. 74–88.
22. Ljušić R. Moj udžbenik je napisan po svetskim standartima [Elektronnyj resurs] // Blic. 25.09.2017. Režim dostupa: <https://www.blic.rs/vesti/drustvo/ljusic-moj-udzbenik-je-napisan-po-svetskim-standardima/9hz4cwc> (data obrashcheniya: 30.08.2019).
23. Milošević S. O nastavi istorije, politici, Evropskoj uniji i poganom jeziku. 4.10.2017 [Elektronnyj resurs] Režim dostupa: <https://pescanik.net/o-nastavi-istorije-politici-evropskoj-uniji-i-poganom-jeziku/> (data obrashcheniya: 30.08.2019).
24. Branković M. Etos konflikta vs. autošovinizam – lažna dilema? [Elektronnyj resurs] // Internet bilten Centra za istorijske studije i dijalog (CISiD). 14.10.2017. Režim dostupa: <http://www.internetbilten.com/polemike/item/52-etos-konflikta-vs-autosovinizam-lazna-dilema.html> (data obrashcheniya: 30.08.2019).